ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИНИЗМ И НЭП





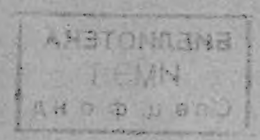
Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИНИЗМ И НЭП

«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД
1926

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИНИЗМ И НЭП



РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1926



Ленинградский Гублит № 4619. Печ 20.125—5 л. Зак. № 360.

I.

ЛЕНИНИЗМ И НЭП, НЭП И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ *.

Общая линия развития большевизма (или ленинизма) есть линия наступления: наступления на монархию, на помещичий класс, на буржуазию, на контр-революционную социал-демократию, на весь буржуазный мир. Но общая линия наступления не исключает — в тот или другой промежуток времени, на том или другом этапе исторического пути — того или иного стратегического отступления.

Что такое большевизм наступающий, это знают все. Этот большевизм достаточно наглядно показан на всемирном экране в 1917 году, в течение тех «десяти дней, которые потрясли мир». Но истинную сущность ленинизма нельзя полностью понять, если не изучить также стратегические отступления большевизма. Временно отступая перед более сильным врагом, **остаться верным самому себе,** остаться самим собою, это — одна из главных черт большевизма. Научиться этому трудному искусству — одна из главных задач происходящей ныне большевизации компартий. Вместо бесплодных споров о «принципиальной» допустимости «компромиссов», научитесь оставаться самим собою, т.-е. оставаться большевиком, т.-е. оставаться непримиримым врагом буржузного строя при всех и всяческих условиях, в том числе и тогда, когда обстоятельства принуждают тебя к стратегическому отступлению. Вот одна из заповедей ленинизма.

---

* Главы XI и XII книги «Ленинизм».

Наиболее важных стратегических отступлений в истории большевизма можно насчитать пять:

1. Отказ Ленина от бойкота Государственной думы (и от бойкотистской тактики в годы падения революционной волны) в 1906 году, когда начинает вырисовываться перспектива более затяжного развития русской революции.

2. Июльские дни 1917 года. Больше, чем простая демонстрация, меньше, чем настоящее вооруженное восстание, — в это выливается июльское выступление. В течение нескольких часов приходится принимать кардинальное решение: наступать ли дальше, развивать ли демонстрацию в решающий бой, или — выводить армию из боя, заведомо с большим уроном итти на отступление. Учитывая соотношение сил, ленинизм принимает второй план.

3. Брестский мир. Отдать пространство, чтобы выиграть время. Брать «передышку» или итти напролом, готовясь «умереть с честью»; «лавировать и отступать» или принимать бой в неравных условиях. Ленинизм выбирает первое.

4. Война с Польшей. После бешеного наступления, после огненной попытки прорваться на Запад, сломив польский барьер империалистов, — поражение под Варшавой. Опасности, разумеется, далеко не так велики, как они были в дни перед Брестским миром; ставка не столь решающая; однако положение серьезное. Приходится решаться: собрать еще раз военный кулак, чтобы в сравнительно короткий срок вновь обрушиться на польский империализм (эта возможность не была исключена), но тем самым рисковать обострить недовольство крестьянства внутри советской страны и, быть может , прямо подвергнуть испытанию союз рабочего класса и крестьянства; или — итти на отступление, заключать худой мир; вновь, в меньшем масштабе, уступать в пространстве, чтобы выиграть во времени. Ленинизм решается на второе.

5. Новая экономическая политика (НЭП). Это — самое широко задуманное отступательное движение ленинизма. Это — самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический манезр пролетарской партии. Это —

отступление, исторический смысл которого до сих пор далеко еще не всем ясен. Это — отступление, имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной. Без надлежащего понимания смысла и значения НЭП'а нельзя понять ленинизма, нельзя быть подлинным большевиком.

Каждый раз, когда большевизму приходилось предпринимать то или другое стратегическое отступление, неизбежно находились люди, группы, течения, фракции, направления, которые, не поняв исторического смысла данного стратегического маневра, кричали о «поправении»[1] большевиков, о «перерождении» большевизма, о «сумерках коммунизма» и т. п.

«Левые» посылают эти упреки ленинизму, полные искренней горечи и отчаяния. Правые «констатируют» эту «эволюцию» «с удовлетворением» — «ведь мы всегда говорили!» Отступать «мы» всегда согласны, заявляют господа меньшевики. И те, и другие не понимают, что такое ленинизм. И те, и другие не понимают того, как партия пролетарской революции может остаться верной себе, несмотря на то или другое стратегическое отступление.

«Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед» — так говорил Ленин, характеризуя нашу стратегию в связи с НЭП'ом.

«Только под одним этим условием (подчекнуто нами. **Г. З.)** мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики»[2].

Эти слова Ленина: «отступаем назад, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед» — превосходно годятся для того, чтобы характеризовать и все другие стратегические отступления большевизма.

---

[1] Не обходилось и без того, что частенько находились и группки большевиков, которые эти отступления так «углубляли», что начинали терять всякую революционную перспективу.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из речи на пленуме Моссовета 18 ноября 1922 года, стр. 103.

«Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика?» Этот вопрос ставит Ленин весною 1922 года. «Так поставили вопрос сменовеховцы: Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это—тактика... Большевики могут говорить, что им это нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение» [1].

И Ленин отвечает: «это очень полезно» выслушать «классовую правду классового врага» [2]. «Действительно, чья возьмет?»

Тактика — или эволюция? Временное отступление или внутреннее перерождение? Действительно, чья возьмет? — Это относится ко всем тем важнейшим стратегическим отступлениям большевизма, которые мы характеризовали выше.

* * *

Ленин не раз связывал вопрос о НЭП'е с гораздо более общим вопросом о возможной линии стратегического отступления пролетарской революции вообще. Он поставил в тесную связь именно с этой проблемой, например, и такой общий вопрос, как вопрос о возможности выработки программы Коммунистического Интернационала. Нельзя, говорил Ленин, так быстро выработать программу Коммунистического Интернационала, между прочим, и потому, что «мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А между тем, с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя» [3].

«Я полагаю, что этот вопрос заслуживает внимания не только с точки зрения России, которая до сих пор остается

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из доклада о деятельности ЦК на XI с'езде партии, стр. 41.

[2] Там же, стр. 41—42.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», стр. 89.

отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западно-европейских передовых стран» [1].

В том же месте Ленин напоминает — как и почти всегда, когда он в программной форме говорит о НЭП'е, — о своей статье, написанной еще в начале 1918 года против «левых» коммунистов, где выдвигалась идея, что государственный капитализм был бы шагом вперед по сравнению с тогдашним экономическим положением Советской Республики.

«Я этим не хочу сказать, что у нас уже был готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления... И все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана» [2].

«Новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать»... [3]. «Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад» [4].

«В теоретической литературе, начиная с 1918 года, когда задача принятия власти стала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что необходим длинный и сложный переход от капиталистического общества через социалистический учет и контроль хотя бы к одному подступу к коммунистическому обществу. Это было нами в роде того, что забыто, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги по строительству. Наша новая экономическая политика по сути ее в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: пока не разбили нас окончательно, давайте-ка

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», стр. 89. НЭП вообще, разумеется, стоял в неразрывной связи с замедлением международной революции. См. об этом в главе XIV «Ленинизм и вопрос о победе социализма в одной стране» моей книги «Ленинизм».

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 89.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Речь на заседании комфракции всеросс. с'езда металлистов, стр. 11.

[4] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Речь на пленуме Моск. Совета Р., К. и К. Д., стр. 103.

отступим и перестроим все заново, но прочнее. Никакого сомненья в том, что мы понесли экономическое поражение на экономическом фронте, и поражение весьма тяжелое, у коммунистов быть не может, и мы ставим совершенно сознательно вопрос о новой экономической политике»[1].

У нас иногда развивают ту мысль, будто НЭП вовсе и не был отступлением. Откуда и куда мы отступили? спрашивают нас — и отвечают: — от нелепостей военного коммунизма к более рациональным способам социалистического хозяйства! Разве же не ясно было, что такое положение, когда мы брали на учет каждую иголку, когда пытались национализировать мелкие парикмахерские и т. п., было неудержимо?

Такая постановка вопроса неправильна и не соответствует тому, как поставил Ленин вопрос о НЭП'е. НЭП есть не просто уничтожение эксцессов «военного коммунизма». Проводя НЭП, мы не просто уничтожали крайности военного коммунизма, нет, мы сделали не это — мы коренным образом переменили всю хозяйственную политику. И отступили мы вовсе не от военного коммунизма к социализму, а к своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве.

Что это отступление было абсолютно рациональным и необходимым, что оно единственно способно привести нас через ряд лет к прочной победе социализма, что НЭП и есть дорога к социализму, тот необходимый «длинный и сложный переход» к социализму, о котором говорит Ленин, это совершенно бесспорно. Но необходимое отступление, целесообразное отступление есть тоже отступление.

Неправильно, поэтому, изображать дело так, будто то отступление, каким бесспорно является НЭП, вовсе не есть отступление, а есть только нечто в роде увеселительной про-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Речь на II всеросс. с'езде политпросветов, стр. 372—373.

гулки или путешествия по гладкому асфальту, есть только метод гладкого, безболезненного врастания в социализм, есть процесс, будто бы не сопряженный с опасностями.

Ленин не раз указывал на громадные ошибки, сделанные нами в эпоху военного коммунизма. Но он не говорил, что военный коммунизм был сплошной ошибкой, а наоборот, заявил, что в целом он был нашей «заслугой» и вытек из всей обстановки гражданской войны. Но и переход к НЭП'у не был только поправкой к военному коммунизму, а был серьезным экономическим отступлением. Разумеется, если бы на минуту представить себе теперь, что русская революция могла бы «начать с начала», многое в области нашей хозяйственной политики мы сделали бы иначе. В какой мере мы могли бы в этом случае начать «прямо» с НЭП'а, гадать об этом теперь бесполезно. Изучая пройденный русской революцией путь, мы должны ясно и недвусмысленно сказать теперь, вслед за Лениным, что НЭП *был* отступлением.

Ленин знал, что, когда наша партия — партия победоносной пролетарской революции — заговорит об отступлении, неизбежно «часть товарищей впадет в состояние весьма кислое, почти паническое»[1]. Он, тем не менее, не боялся употребить слово «отступление» даже в самое тяжелое для нас время. На бесконечные вопросы о том, до каких же пор мы будем отступать, Ленин не без иронии отвечал:

«Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя. Отступать весьма неприятно, но когда бьют, тогда не спрашивают о приятности или неприятности».

И, смело ведя революцию вперед, Ленин прибавил: «Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться, — за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Речь на II всеросс. с'езде политпросветов, стр. 373.

только, когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию» [1].

Нам нечего бояться отступления, мы завоевали себе достаточно обширный плацдарм, «мы завоевали громадные позиции, и если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом» [2].

«Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед, и что это в стране, невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок, чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить» [3].

Путь, проделанный российским пролетариатом от военного коммунизма к НЭП'у, имеет всемирно-историческое значение.

«Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира, — говорит Ленин, — не удастся решить своей задачи без того, чтобы соединить умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т.-е. опыт отступления, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим, по крайней мере, некоторых стран, как, несомненно, пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления» [4].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительная речь на московской губпартконференции, стр. 408.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Речь на заседании коммунистической фракции всероссийского с'езда металлистов, стр. 12.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Доклад на XI с'езде РКП (б), стр. 37.

[4] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. XI с'езд РКП. Заключительное слово по докладу, стр. 70.

* * *

Что диктатура пролетариата в крестьянской России будет иметь свои особенности — это Ленин знал, разумеется, с самого начала. Об этом ясно говорится в программе РКП (1919 г.) и т. д.

В 1919 году, в разгар военного коммунизма, Ленин писал:

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны...

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом» [1].

Как об'яснял Ленин самую необходимость перехода от военного коммунизма к НЭП'у?

Особенно ценны об'яснения, которые давал по этому поводу Ленин Коммунистическому Интернационалу. Эти об'яснения особенно точны и ясны именно потому, что Ленин делал их перед всем международным пролетариатом. В этих случаях Лениным особенно тщательно взвешивалось каждое слово.

Третий конгресс Коминтерна происходил летом 1921 г., т.-е. как раз в самом начале проведения НЭП'а. По свежим следам только-что начатой осуществлением новой экономической политики Ленин читает доклад на этом конгрессе Коминтерна о тактике РКП.

«Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплуататоров стоят крупные землевладельцы и капиталисты-промышленники» [2].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Написано 30/X—1919 г., стр. 348.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 323.

Задачу уничтожения этого эксплуататорского класса мы в России выполнили легко.

«Мы в России экспроприировали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев точно так же, как капиталистов»[1]. «Но, кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев... Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе. Зачение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос, но теория и практика две вещи разные и разрешить этот вопрос практически или теоретически это не одно и то же»[2].

НЭП теснейшим образом связан с вопросом о взаимоотношении оставшихся у нас теперь в России двух основных классов — пролетариата и крестьянства.

«Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса — только пролетариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству?..

«Мы заключили союз с крестьянством»[3].

Меньшевики в принципе тоже не отрицают союза с крестьянством, но меньшевики говорят: «крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 323.

[2] Там же, стр. 325.

[3] Там же, стр. 326.

самостоятельным, — продолжает Ленин, — то это практически означает не что иное, как восстановление капитализма».

«Когда мы (большевики. **Г. З.**) об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата»[1].

Наш союз с крестьянством до сих пор был военным союзом (Красная армия, гражданская война). Но «военный союз не может существовать без экономического союза... Наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться в течение продолжительного времени без экономического фундамента»[2]. Не завоевав такой основы, мы не выдержали бы войны против буржуазии.

«Первоначальная форма союза (военного союза рабочего класса и крестьянства. **Г. З.**) была очень примитивна и... мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии»[3] и т. д.

После гражданской войны задача иная. Теперь нужно, во что бы то ни стало, наладить хозяйственный союз рабочего класса с крестьянством в стране, где крестьянство преобладает.

«Если бы страна не была до такой степени разорена, как это имело место после 7 лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того уже тяжелые условия в стране осложнялись еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимыми. Мы должны были немедленно показать широким массам

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 326.

[2] Там же, стр. 327.

[3] Там же, стр. 328.

крестьянства, что мы готовы изменить революционным путем нашу политику...

«Таким образом пришло изменение нашей экономической политики»[1].

На первых порах «крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция в известной степени была революцией буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земли бывает только буржуазная, а не социальная революция. Однако, мы были единственной партией, которая смогла довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социальную революцию... В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, а на долю рабочего класса выпали тяжелые страдания и именно потому, что он осуществляет свою диктатуру»[2].

«Диктатура пролетариата в России принесла такие жертвы, такую нужду и лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история»[3]. Класс-гегемон должен взять на свои плечи эти лишения. Без этого он не может осуществить свою историческую миссию.

«Наиболее развитые политически элементы, — и даже среди них лишь самые лучшие, — понимают, что мы должны в интересах диктатуры рабочего класса сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой»[4].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 328.
[2] Там же, стр. 330.
[3] Там же, стр. 329.
[4] Там же, стр. 330—331.

Пролетариат — руководитель революции. Но именно поэтому он должен понять, что «без крестьянских масс, без того, чтобы с ними не находиться в хороших отношениях, мы не могли бы существовать».

Новая экономическая политика продиктована необходимостью, во что бы то ни стало, закрепить «хорошие отношения» с крестьянством на основе новой хозяйственной политики. Это требует уступок крестьянству, уступок немедленных и решительных.

«Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде люди, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм... Крестьянин, который эксплуатирует нас, получает, мол, все, что ему годно, а рабочий голодает.

«Разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с крестьянством невозможна политическая власть пролетариата, невозможно удержание ее. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим»[1] (подчеркнуто нами. **Г. З.**).

И в заключение Ленин, обращаясь ко всему Коммунистическому Интернационалу, говорит:

«Натуральный налог обозначает, само собою разумеется, свободу торговли... Эта свобода обмена обозначает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем...

«Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую его форму... Это есть государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных по-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 331.

нятия (подчеркнуто нами. **Г. З.**). В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса»[1] (5 июля 1921 г.).

Вот как по свежим следам событий Ленин определял причины перехода от военного коммунизма к НЭП'у. Вот как определял он социально-экономическую сущность НЭП'а.

НЭП, это — государственный капитализм в пролетарском государстве.

«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос»[2]. — Так говорил Ленин в начале НЭП'а (октябрь, 1921 г.).

«Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере... Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти.

«Это самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки»[3].

Задача в том, «чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему»[4].

Второй раз Ленин об'яснял международному пролетариату причины и сущность НЭП'а на IV Всемирном конгрессе

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 331—332.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Речь на II всероссийском с'езде политпросветов, стр. 380.

[3] Там же, стр. 374.

[4] Там же, стр. 375.

Коминтерна в ноябре 1922 года, когда очертания НЭП'а стали еще более ясны, когда накопился уже известный практический опыт для оценки НЭП'а.

В этом докладе, который был последним публичным выступлением Владимира Ильича перед представителями мирового пролетариата и вообще одним из его последних перед роковым заболеванием выступлений, Ленин вновь возвращается к истории возникновения НЭП'а. Мы провели, говорит он, успешно гражданскую войну, но «после того, как мы проделали все важнейшие этапы гражданской войны и проделали с успехом, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас».

Итак, еще и еще раз причины возникновения НЭП'а ведут нас к вопросу о крестьянстве, к вопросу о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства в период, когда военный союз должен был замениться союзом на хозяйственной почве.

Хочешь понять причины возникновения НЭП'а, вдумайся в вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства — вопрос, являющийся основным для всей нашей революции. Ключ к пониманию возникновения НЭП'а надо искать именно в сфере взаимоотношений рабочего класса и крестьянства.

«Чем было вызвано, — продолжает Ленин, — это своеобразное и для нас, разумеется, очень неприятное положение»?

И отвечает:

«Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы

тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель»[1] (подчеркнуто нами. **Г. З.**).

Итак, когда нас спрашивают, «от чего» мы отступили, введя НЭП, мы отвечаем словами Ленина: «Мы отступили от непосредственного перехода к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению». Когда нас спрашивают, «куда» мы отступили, мы отвечаем словами Ленина: «к государственному капитализму в пролетарском государстве». Когда нас спрашивают, «почему» мы отступили, мы отвечаем словами Ленина: «потому, что промышленная база в нашей стране недостаточно сильна», потому, что громадное большинство населения в нашей стране состоит из крестьян и потому, что «без крестьянских масс, без того, чтобы с ними не находиться в хороших отношениях, мы не могли бы существовать» — особенно при затяжке мировой революции.

В замечательной статье Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» это сказано так: «мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру»[2].

Когда нас спрашивают, достиг ли НЭП своей цели, мы отвечаем словами Ленина (в том же докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.): да, достиг. «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли...

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 90.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 415.

Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства» [1].

А теперь (в 1925 г.) можем прибавить: да, НЭП достиг своей цели — ибо: 1) наша промышленность быстро идет к довоенному уровню, 2) транспорт — тоже, 3) валюта укрепилась, 4) зарплата растет, 5) сельское хозяйство подымается, 6) социалистические элементы хозяйства растут.

Истоки новой экономической политики, ее корни, ее основные причины находятся в первую очередь в области взаимоотношений пролетариата и крестьянства в нашей собственной стране.

Закрепить союз рабочего класса и крестьянства — этих двух основных классов революции — на новой стадии после окончания гражданской войны; закрепить этот союз на незыблемой хозяйственной основе, удовлетворяющей громадную массу крестьянства, — вот подлинная задача новой экономической политики.

Основное в новой экономической политике это вопрос о крестьянстве.

* * *

НЭП является отступлением к государственному капитализму не в том смысле, что мы вновь отступаем назад к уже пройденной главе. Дело в России обстояло не так, что мы имели уже государственный капитализм, от него шагнули к социалистическому строю и затем возвратились вновь назад к государственному капитализму. Дело стоит так, что в России дооктябрьской мы имели рядом с крепостническими и частнокапиталистическими устоями слабые элементы государственного капитализма, пытались шагнуть от дооктябрьской России прямо к социализму и вынуждены были затем вернуться назад, чтобы, через государственный капитализм, подчиненный пролетарскому государству, начать более прочно переходить к социализму.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 92.

Мы — социалистическая республика (Союз социалистических республик). Можно ли при таком положении вещей говорить о том, что в нашем социальном укладе государственный капитализм играет большую роль? Можно и должно.

«Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими»[1].

Говоря о государственном капитализме, Ленин всегда возвращался к своей статье от весны 1918 года, а также напоминал о том, что до завоевания власти рабочим классом при режиме Керенского он ставил вопрос о государственном капитализме примерно в той же плоскости, в какой поставил его в 1921 году.

Еще в «Грозящей катастрофе» (сентябрь 1917 г.) Ленин пишет: «Социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»[2].

Напомним, что и в своей последней работе «О кооперации» Ленин писал:

«Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 19 года (1918 г. Г. З.) о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому. Им

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1. «О продналоге», стр. 203.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 208.

казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть»[1].

И Ленин раз'ясняет, что, «вводя читателя в новую экономическую политику», он старался «установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом», который вводили мы в советской стране. «Я уже тогда доказывал, — пишет Ленин, — что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики».

Итак, от «Грозящей катастрофы» (1917 год) до последней работы «О кооперации» (1923 год) красной нитью в писаниях Ленина проходит положение о государственном капитализме.

«Что такое государственный капитализм при Советской власти?», спрашивал Ленин в дакладе об очередных задачах Советской власти (апрель 1918 года) и отвечал:

«В настоящее время осуществлять государственный капитализм, это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который осуществляли раньше капиталистические классы. Мы имеем образец государственного капитализма в лице Германии и мы знаем, что она оказалась выше нас. И, если подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий, не сошедший с ума и не забивший себе голову обрывками книжных истин, человек должен был бы сказать, что в государственном капитализме для нас спасение. Если бы мы имели его в России, тогда переход к полному социализму был бы легок, он был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого... Я позволю себе напомнить вам, что я писал о государствен-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 142—143.

ном капитализме за несколько дней до переворота, когда имелось в виду революционно-демократическое государство — государство Керенского, Чернова, Церетели, Кишкина и пр. братии... Я говорил тогда, что государственый капитализм есть шаг к социализму; я писал это в сентябре 1917 г. и теперь, в апреле 1918 года, после того, как в октябре пролетариат взял власть» [1].

Чтобы понять всю неверность тогдашних возражений против взглядов ленинизма на значение государственного капитализма в советском строе, не лишне обратиться к статьям «левых» коммунистов против государственного капитализма, написанным еще в 1918 году. Мы имеем в виду статьи из органа левых коммунистов «Коммунист» [2].

Заявления Ленина о государственном капитализме эпохи 1918 года «левые» коммунисты считали прямой изменой пролетарской революции.

«Весьма возможной становится тенденция к уклонению большинства Коммунистической партии и руководимой ею Советской власти в русло мелкобуржуазной политики нового образца».

Ленинская политика ведет-де к тому, что наша революция начинает «застывать в систему государственного капитализма и мелкобуржуазных хозяйственных отношений».

Эта политика «ставит себе задачу не пролетарской борьбы в союзе с западно-европейским пролетариатом за низвержение империалистической системы, а оборону фермерского (!!) отечества от тягот империализма, что можно достигнуть и путем компромисса с ним».

Эта политика может «оказаться только переходной стадией к полному господству финансового капитала».

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 235—236.

[2] Рекомендуем к тщательному изучению след. статьи из названного органа: 1) «Тезисы о текущем моменте», 2) «О строительстве социализма» (статья т. Осинского), 3) «Прямые ответы» (его же), 4) «Экономические заметки».

«Это значит не только перекидывать мостик к государственному капитализму, но и поддерживать в интеллигенции ее материальную и психологическую связь с финансовым капиталом».

При продолжении этой политики Советская власть «вынуждена будет опереться против рабочих на другой класс (напр., крестьянство), и этим она погубит себя как диктатуру пролетариата. Социализм и социалистическая организация труда будут построены самим пролетариатом, или они не будут вовсе построены, а будет построено нечто иное — государственный капитализм».

«Перед российским пролетариатом после Брестского мира открылись два пути. Один путь ведет к мелкобуржуазному перерождению Советской власти и государственному капитализму, другой путь — к сохранению пролетарской диктатуры и укреплению ее основы путем строительства пролетарского социализма».

«Или, или... или вы возвращаетесь к буржуазному строительству — в новом, подчищенном, освобожденном от крепостничества, виде. Это тоже исход... Или же вы идете вперед по пути к социализму».

Все эти замечательные рассуждения венчаются прямыми угрозами создать другую партию «пролетарских коммунистов» и великодушным согласием поддержать Советскую власть лишь «постольку, поскольку» (буквально!).

Такова была первоначальная «девственная» позиция «левых» коммунистов против ленинской постановки вопроса о государственном капитализме в советском строе.

Обрушиваясь на «левых» коммунистов, Ленин упрекал их в том, что они «забыли ту мелочь, что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая, сочувствуя уничтожению крупной буржуазии всех стран, не сочувствует учету, обобществлению и контролю у себя внутри» [1].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти, стр. 236.

Государственный капитализм при Советской власти есть прямая ступень к социализму, есть три четверти социализма — говорил Ленин.

«Государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы тремя четвертями социализма».

И он замечал: «только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет»[1].

Ставя в такой плоскости вопрос о государственном капитализме, Ленин исходил вовсе не из мимолетных соображений о воздействии на ту или другую группу наших работников (т.-е. «педагогических» соображений), а исходил из глубочайшего анализа экономики той страны, с которой ему приходилось иметь дело. Величие Ленина в том, между прочим, и состоит, что он, как великолепный скульптор со своей глиной, умеет управляться с элементами экономики того периода и той страны, где ему приходится непосредственно действовать. Когда политическая власть была завоевана рабочим классом нашей страны, когда буржуазия была политически опрокинута и экономически экспроприирована, когда вчерне была выполнена эта предварительная работа, очищавшая путь к началу строительства социализма, тогда Ленин особенно глубоко задумался над экономическим укладом той страны, где отныне предстояло подвизаться пролетариату, как господствующему классу. Буржуазия низвергнута, экспроприирована, политически раздавлена; пролетариат у власти; политическая победа огромна; рубикон перейден, начинается новая эпоха. Но все величие победы не заслоняет перед Лениным того факта, что экономика той страны, где впервые, в силу стечения обстоятельств, власть досталась

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти, стр. 236—237.

пролетариату, очень отстала. Ленин берет теперь особенно тщательно под микроскоп экономический уклад России — той России, которая освобождена ныне от власти капиталистов и в этом смысле сделала громадный прыжок вперед, но экономика которой все же, пока что, остается старой, отсталой. Разглядывая эту экономику через марксистский микроскоп, Ленин приходит к выводу, что в доставшейся нам освобожденной от капиталистического всевластия России имеются элементы не одного, а нескольких экономических укладов.

«Каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся на-лицо в России? А в этом весь гвоздь вопроса» — пишет Ленин.

«В данном строе есть элементы, частички, кусочки» и капитализма, и социализма... Перечислим эти элементы» — говорит Ленин. И он перечисляет:

«1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

«Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада пеерплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

«Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия... Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма»[1].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», стр. 264.

Эту классификацию элементов различных общественно-экономических укладов, переплетающихся в одном клубке в Советской России, Ленин повторяет не раз, в частности и в своих докладах на конгрессах Коминтерна, о которых (докладах) мы говорили выше.

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к югу-востоку от Ростова- на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка, вернее — десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость? . .

«На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

«Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма),

как посредствующее звено между мелким производством и социализмом; как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»[1].

НЭП есть правильное (с точки зрения перехода к коммунизму) сочетание частных интересов мелких производителей с государственными интересами пролетариата, господствующего в стране.

«Теперь мы, — говорит Ленин, — нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»[2].

Мы теперь нашли... что мы нашли? В НЭП'е мы нашли конкретный путь к социализму в крестьянской стране, находящейся еще в буржуазном окружении.

К этому нам надо прибавить «только» еще культурный переворот, требующий большого, очень большого времени.

«Чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения — вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия»[3] (подчеркнуто нами. **Г. З.**).

«НЭП... представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего»[4].

НЭП есть правильное сочетание частных интересов крестьянской массы, как массы мелких производителей («мелкого и мель-

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 221—222.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О кооперации», стр. 139—140.

[3] Там же, стр. 141—142.

[4] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О кооперации», стр. 141.

чайшего крестьянства»), с государственными интересами пролетариата, организующего социалистическое производство.

* * *

Наш государственный капитализм приходится отличать, во-первых, от государственного капитализма вообще (от государственного капитализма буржуазных стран) и, во-вторых, от частно-хозяйственного капитализма. От первого наш государственный капитализм отличается тем, что это государственный капитализм под контролем пролетарского государства. От второго он отличается тем, чем вообще государственный капитализм отличается от частного капитализма.

Капитализм вообще (или просто капитализм) растет в нашей стране прежде всего из крестьянского хозяйства.

«Крестьянство осталось собственником в своем производстве, и оно порождает новые капиталистические отношения. Вот основные черты нашего экономического положения» (подчеркнуто нами. **Г. З.**) — так говорил Ленин еще до введения НЭП'а[1].

«Она („новая буржуазия". **Г. З.**) рождается не только из наших советских служащих (ничтожным образом она может нарождаться и отсюда), она нарождается из среды крестьянства и кустарей (подчеркнуто нами. **Г. З.**)... Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как во всяком

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII. Речь на III Всероссийском с'езде профсоюзов, 7 апреля 1920 г., стр. 102.

капиталистическом обществе» (подчеркнуто нами. **Г. З.).**

Это Ленин говорил еще раньше, в 1919 г. (т. е. в разгар военного коммунизма) в заключительном слове по вопросу о партийной программе на VIII с'езде РКП [1] и говорил, как раз против остатков идеологии «левого» коммунизма, «отрицавшего» ленинские взгляды на государственный капитализм в пролетарской стране.

В высшей степени важен в этом отношении весь доклад Ленина на VIII с'езде РКП, посвященный обоснованию программы партии. Это был действительно программный доклад. В полемике против товарищей, оспаривавших необходимость воспринять в новой программе РКП часть старой программы 1903 г., посвященной характеристике развития капитализма, Ленин говорил:

«Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное... Тот капитализм, который был обрисован в 1903 году, продолжает оставаться и в 1919 году в Советской пролетарской республике, как раз благодаря разложению империализма, как раз в силу его краха. Такой капитализм можно найти, например, и в губернии Самарской, и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы...

«Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнаружится старый капитализм...

«Империализм есть надстройка над капитализмом. Когда он разрушается, приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания... Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма. .

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 132—133.

В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире, и останется фактом на много лет»[1].

В этих немногих словах — громадное содержание. Буквально в нескольких строках мы находим тут самое существенное об империализме вообще и в то же время самое существенное об экономике России после завоевания власти в ней пролетариатом. И в Самарской, и в Вятской губерниях, не слишком далеких от Москвы, вы найдете капитализм и в 1919 году, т.-е. через два года после завоевания власти пролетариатом. Это говорилось в разгар военного коммунизма. С тем бо̀льшим основанием говорил об этом Ленин в 1921 году, с момента введения НЭП'а.

Итак, и после взятия власти пролетариатом капиталистическое товарное хозяйство — несмотря на систематически растущие элементы социалистического хозяйства — живет, действует, развивается, рождает буржуазию, беря начало прежде всего в индивидуальном крестьянском хозяйстве. И до тех пор, пока нам не удалось в основном перестроить самое крестьянское хозяйство на началах коллективизма, изменить это невозможно. А чтобы перестроить крестьянское хозяйство, нужны, во-первых, годы и годы, нужно реализовать программу электрификации, т.-е. нужно поднять на громадную высоту крупную индустрию, нужно поголовно кооперировать крестьян, нужно уничтожить неграмотность и т. д. и т. д. Теперь мы начали это делать успешно, и мы это доделаем, без всякого сомнения. Но — пока только начали.

Государственный капитализм есть станция, этап по пути от частного капитализма к социализму.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 114—115.

«Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм, это — концессии... «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим»[1].

— Что же такое концессия с точки зрения экономических отношений? — Это есть государственный капитализм.

Концессия приобретает — говорит Ленин (в докладе на X с'езде РКП о продналоге) — «вид блока» с иностранным капитализмом — вид блока, который в последнем счете выгоден пролетариату нашей страны, т.-е. выгоден мировой пролетарской революции. «Левые» коммунисты, об'явившие в самом начале войну Ленину за его «преступные» мысли о государственном капитализме, превращали «вид блока» в прямой политический блок, в капитуляцию перед иностранным капиталом. Вспомним, как в начале 1918 г., когда речь зашла о концессии Мещерского, лидеры «левого» коммунизма прямо и открыто обвиняли Ленина в том, что он предает революцию пролетариата в руки крупных капиталистов.

Итак, концессия с точки зрения экономических отношений есть государственный капитализм.

«Государственный капитализм в виде концессий является по сравнению с другими формами государстенвного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной...»[2].

В качестве второго примера государственного капитализма в советской стране Ленин берет кооперацию.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 217.
[2] Там же, стр. 218.

«Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо очерченный, более запутанный» [1].

«Кооперативный» капитализм в отличие от частно-хозяйственного капитализма является при Советской власти разновидностью государственного капитализма... Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» [2].

Мы дальше остановимся на последней, предсмертной работе Ленина о кооперации и докажем, что эта последняя работа есть только развитие только-что приведенных взглядов Ленина, что брошюра «О продналоге» (1921 г.), которую мы цитировали выше, и «Запись из дневника» о кооперации (1923 г.) представляют во всем основном одну логическую цепь.

«Возьмем третий вид государственного капитализма, — продолжает Ленин. — Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя.

«Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение, или промысел, или участок леса, земли и т. п., при чем арендный договор похож более всего на договор концессионный» [3].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 218.
[2] Там же, стр. 219.
[3] Там же, стр. 220.

«Что же оказалось?» — спрашивал Ленин в конце 1921 г., после опыта первого полугодия НЭП'а. — «Оказалось... что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло; частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!... Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь» [1].

Кто до сих пор еще не вполне усвоил то, что говорил Ленин о государственном капитализме в нашей стране, пусть вдумается в только-что приведенные слова Ленина.

Нет никакого сомнения в том, что, скажем, устойчивость нашего червонца, как и вообще результаты проведенной денежной реформы имеют гигантское значение для нашей революции и служат лучшим показателем прочности пролетарской диктатуры. Мы все гордимся тем, что советский червонец котируется на иностранных биржах. Мы знаем, что без твердой, действительно твердой, валюты не могло быть и речи о прочном поднятии нашего хозяйства. Но разве червонец означает социализм? Разве не служит наш превосходный, твердый, советский червонец выражением как раз «государственного капитализма» в пролетарском государстве — государстве, строящем социализм, но еще не построившем его?

[1] Н. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. I. Из речи на московской губпартконференции 29 октября 1921 г., стр. 398—399.

«. . . Мы, пролетариат России,—в п е р е д и любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем п о з а д и самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма» [1].

В той же статье Ленин говорил о том, что «социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки», и напоминал, что история «р о д и л а к 1918 г. две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны» [2].

Ленин не переставал раз'яснять, какое громадное значение имеет для большевизма установление правильных взглядов на государственный капитализм в пролетарском государстве.

Еще на XI с'езде партии в политическом отчете ЦК, — это был последний отчет, который делал Ленин, — Владимир Ильич говорил:

«По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги . . . Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний . . . Государственный капитализм . . . это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить,

[1] Н. Л е н и н. Собр. соч., том XV. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», стр. 272.
[2] Там же, стр. 268.

этот государственный капитализм связан с государством, а государство — это рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм — это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука»[1].

Возражая Преображенскому, Ленин в заключительном слове по тому же докладу говорил:

«Прежде всего по вопросу о госкапитализме. «Госкапитализм есть капитализм», — говорил Преображенский, — и только так понимать можно и должно. Я утверждаю, что это есть только схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что это впервые теперь переживаем только мы... Государственный капитализм — это капитализм, до такой степени неожиданный, никем абсолютно непредвиденный, ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда, по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм... Относительно государственного капитализма нужно знать то, что должно стать лозунгом для агитации и пропаганды, что необходимо раз'яснять, добиваться практического понимания. Это — то, что государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами»[2].

Увы, у нас до сих пор еще любят в вопросе о государственном капитализме изображать дело так, будто у Ленина это было только мимоходом брошенное слово, да и то «неудачно», будто нам необходимо в этом вопросе быть «левее» Ленина и т. п.

«Государственный капитализм» — это, видите ли, звучит недостаточно «гордо»! Забывают при этом последние слова

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 34—35.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 58.

из последней речи Ленина — его лебединой песни — на заседании Московского Совета, — слова о том, что Россию нэповскую мы превратим в Россию социалистическую.

«Нэповская Россия» — ведь это тоже звучит, пожалуй, недостаточно гордо! Чем «нэповская Россия» благозвучнее, чем «государственный капитализм в пролетарской стране»?

Элементы социализма в нашем хозяйстве растут и будут расти еще быстрее. Но нашу страну еще только надо превратить, как завещал нам Ленин, из нэповской в социалистическую? Неужели для того, чтобы отдать самим и призывать других отдать всю жизнь на дело строительства социализма, нужно тешить себя иллюзиями, будто государственного капитализма (и капитализма вообще) у нас уже нет, будто, — куда ни глянешь, — кругом уже процветает социализм?

Ничего, кроме вреда, такая «политика» принести не может. Если то, что мы видим вокруг себя сейчас, и есть социализм, тогда не высокого же качества этот ваш социализм — скажет рабочий. И будет прав.

Политика иллюзий никогда еще не приносила добра рабочему классу и пролетарской партии. Подкрашивание действительности принесло бы особенно большой вред именно в нынешнюю стадию нашего строительства, когда реальные результаты достигаются, но достигаются лишь путем величайшего напряжения сил. Разве даже в современных наших государственных трестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении и т. д. и даже в нашей современной кооперации — нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ не видят, не чувствуют этого? Разве не почувствуют рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм.

А тем более—в сельском хозяйстве. После взятия власти пролетариатом все мы рассчитывали на то, что переделка крестьянского хозяйства в социалистическом направлении, хотя и медленно, но верно, будет двигаться вперед. Мы ви-

дим теперь, что дело в этом отношении идет еще медленнее, чем кто-либо из большевиков в 1917 году себе это представлял. Уже начиная с «Грядущей катастрофы» и «Удержат ли большевики государственную власть?» ленинизм подготовлял целый ряд шагов для того, чтобы после взятия власти пролетариатом как можно энергичнее задержать капиталистическую эволюцию сельского хозяйства и повернуть развитие сельского хозяйства в нашей стране на социалистические рельсы. И закон о социализации земли, принятый нами после перехода власти к пролетариату и соответствующий пункт нашей партийной программы, принятый на VIII с'езде РКП, говорят о том же. А ход событий в действительности таков, что с 1921 г. нам пришлось ввести НЭП, явившийся, как мы видели выше, в первую очередь, именно уступкой крестьянству как мелкому производителю. А случилось так, что в 1925 году, в интересах развития производительных сил деревни, нам пришлось делать еще дополнительные уступки даже крестьянской верхушке (аренда земли, применение наемного труда в сельском хозяйстве)— и лишь окольными путями, медленно, но верно, итти к социалистическому строительству в деревне.

Что после завоевания власти пролетариатом этот последний обязан сделать все возможное для того, чтобы повернуть сельское хозяйство с путей капиталистической эволюции на путь некапиталистического развития,—это абсолютно верно. Что добиться этого при благоприятных обстоятельствах пролетариат может, — это также вне сомнений. Но нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам сельского хозяйства, когда мы только еще начинаем «обходить» сельских капиталистиков с тылу мерами хозяйственной работы в деревне, когда батрачество численно растет довольно быстро! Нельзя забывать, что капитализм в такой стране, как наша, растет прежде всего из крестьянства (см. вышесказанное Лениным!). Нельзя скры-

вать от себя то, что говорил Ленин о значении государственного капитализма в нашей советской стране! Через кооперацию, через начавшийся под'ем индустрии мы, несомненно, переделаем деревню и завоюем ее для социализма. Но желательное будущее нельзя принимать за существующее.

В одной из своих самых замечательных работ («Аграрная программа с.-д-тии в русской революции 1905—07 гг.») Ленин писал, полемизируя против меньшевизма:

«Он (Плеханов. **Г. З.**) смешивает народничество, учение о возможности некапиталистической эволюции, с марксистским взглядом на возможность двух видов капиталистической аграрной эволюции»[1].

Два вида капиталистической эволюции это: 1) либерально-меньшевистская программа сделки с помещиками (выкуп, муниципализация) и 2) большевистская программа плебейской крестьянской революции под руководством пролетариата (конфискация без выкупа, национализация земли, доведение до конца буржуазно-демократической революции). Народничеством называл Ленин «учение о возможности некапиталистической эволюции».

Таковы были оценки применительно к революции 1905 года.

Как вышло в действительности? В главном Ленин оказался прав.

После Октябрьской революции 1917 года оценки, конечно, изменились.

В каком смысле?

С 1905 по 1917 г. капиталистическое развитие (капиталистическая эволюция) в деревне продолжалось усиленно. Две революции 1917 года опрокинули помещиков, «разгородили» землю. Буржуазно-демократическая революция была доведена до конца. Власть перешла в руки пролетариата.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 537.

Тогда — и только тогда — стало возможным говорить о задержке капиталистической эволюции деревни и о серьезной попытке целой системой мер победившего пролетариата перевести эту эволюцию на другие рельсы. 1917—1921 г.г. показали, что дело это отнюдь не легкое. Пришлось перейти к НЭП'у, который был уступкой прежде всего крестьянству. Наша крестьянская политика 1925 года есть попытка дальнейшего приспособления задач социалистической политики к условиям производства «мелкого и мельчайшего крестьянства». Мы твердо уверены, что на этом пути мы задержим капиталистическую эволюцию деревни и повернем ее на другие, социалистические, рельсы. Но «задержим» и «повернем» не значит еще «задержали» и «повернули». Мы помним, что до 1917 года капиталистическая эволюция деревни шла на всех парах. Мы не забываем, что и через 5 лет (и позже) после 1917 года Ленин не переставал напоминать о том, что капитализм продолжает у нас развиваться именно из крестьянского индивидуального хозяйства. Нельзя видеть в современной деревне только классовую борьбу. Но нельзя видеть в ней и только врастание в социализм. Чтобы охватить весь процесс в целом, надо видеть и то и другое: и ростки социализма (национализация земли при пролетарской диктатуре, кооперация) и классовую борьбу на основе расслоения деревни. Победа будет за социализмом.

НЭП есть «отчаянно-бешеная борьба» — не раз говорил Ленин. НЭП есть бешеная борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства. Пока-что мы имеем серьезный рост социалистических элементов хозяйства при абсолютном (хотя и не относительном) росте также и капиталистических элементов. Разумеется, это уже очень, очень недурно. Скоро первые начнут еще гораздо быстрее, чем до сих пор, опережать вторые. Скоро вторые начнут безнадежно оставаться позади. Окончательный исход будет в пользу социализма. Скоро-скоро поспеют первой очереди работы по электрификации, скоро-

скоро можно будет начать пользоваться «рысаком» крупной индустрии (Волховстрой и пр.). А до тех пор — без иллюзий, без самообмана! Госкапитализм назовемте госкапитализмом. В резолюции Ленина «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики», принятой XI с'ездом РКП (1922 г.), мы находим специальный параграф (§ 2), который так и озаглавлен: «Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы». Это есть решение С'езда Партии. Остаться в вопросе о госкапитализме полностью на точке зрения Ленина значит звать пролетарский авангард к тому, чтобы неустанной работой превратить госкапитализм с растущими элементами социализма в подлинный социализм, значит будить его бдительность, значит вести его от низшей ступени к высшей. «Отрицать» точку зрения Ленина в этом вопросе, быть «левее» Ленина в этом вопросе значит делать ошибку, значит искать идеологическую «подушечку», на которой будто бы «мягко» будет спать. Когда Троцкий говорил, что НЭП есть чуть ли не только метод калькуляции, применение методов капиталистической бухгалтерии в социалистическом строительстве, он на деле затушевывал опасные стороны НЭП'а, которые существуют и которые надо видеть, чтобы их преодолеть[1].

---

[1] «Я не считаю этот термин (т.-е. термин «государственный капитализм» Г. З.) ни точным, ни вообще счастливым» — говорил Троцкий в его докладе на IV конгрессе Коминтерна.

«...Если это и «государственный капитализм», то в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина». (Л. Троцкий, «Пять лет Коминтерна». стр. 478—479).

Ленин не считал удобным в тот момент начать открытую полемику против этой полемики Троцкого, но все участники руководящей группы, работавшие на IV конгрессе, несомненно, помнят, что Ленин выражал решительное недовольство по поводу этих заявлений Троцкого.

«Социализм — это учет. При НЭП'е только (!) формы учета иные, чем те, какие мы пытались применять при военном коммунизме и какие найдут свое законченное выражение при развернутом социализме». Так писал Троцкий еще на днях («Правда», 1 сент. 1925). Это — та же ошибка. НЭП вовсе не есть «только» иные формы учета. Это не ленинизм.

II.

ЛЕНИНИЗМ И НЭП. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

НЭП есть борьба (по внешности, сравнительно мирная) между капиталистическими и **социалистическими** элементами нашей экономики — борьба, которую пролетарское государство старается регулировать, но которую оно в данный период уничтожить не хочет и не должно. «За спиной» этой «мирной и бескровной» борьбы различных элементов экономики переходного периода идет, не умолкая, прямая классовая борьба.

— «А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная!» [1] — говорил Ленин на X с'езде РКП в 1921 году, на том с'езде, который ввел НЭП.

Да, надо сказать это прямо: и в нашем советском государстве пока еще идет, не умолкая, классовая борьба. Ленин говорил о «культурничестве» как задаче целой эпохи. Но Ленин и перед введением НЭП'а, и в особенности после введения его, раз'яснял, что диктатура пролетариата не только не исключает, а предполагает продолжение классовой борьбы, что и после завоевания власти пролетариатом классовая борьба, только в другой форме, продолжается.

Крайне интересен в этом отношении набросок предполагавшейся Лениным работы «Некоторые стороны вопроса о диктатуре пролетариата».

Набросок этот опубликован только летом 1925 года в «Ленинском Сборнике» III. Набросок, как это часто бывает

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 135—136.

у Ленина, представляет совершенно законченное целое. Данный набросок имеет громадную теоретическую ценность.

«Диктатура пролетариата есть **продолжение** классовой борьбы пролетариата в **новых** формах»[1] — пишет Ленин и продолжает: «В этом гвоздь, этого не понимают».

Вот именно, этого не понимают, увы, и доныне. Этого не понимают, в частности, те, кто в лето от р. Х. 1925-е с серьезным видом доказывают, что кулака в современной русской деревне нет и в помине, или те, кто доказывают, что «накопление» в деревне будет происходить чуть ли не путем непорочного зачатия и т. д.

«Государство лишь — **орудие** пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка, rien de plus!» (ничего более. **Г. З.**)[2].

Этого тоже у нас «не понимают» частенько. Этого не понимают те, кто доказывают, что наше пролетарское государство может вести такую политику, которая одинаково будет удовлетворять и кулака и бедняка — такую политику, при которой и волки будут сыты и овцы целы. Между тем, на деле наше пролетарское государство, разумеется, не может быть «нейтральным» между нэпманом и рабочим, между кулаком и бедняком. Государство буржуазии также, разумеется, не нейтрально — оно вмешивается в ход классовой борьбы в пользу одной стороны баррикады. Наше государство вмешивается в ход классовой борьбы в пользу другой стороны баррикады. Своей аграрной политикой столыпинское государство добивалось одного параллелограмма сил в деревне; своей земельной и крестьянской политикой наше советское государство добивается теперь другого параллелограмма сил в деревне.

«Формы классовой борьбы пролетариата, при его диктатуре, не могут быть прежние» — учит Ленин. И он перечисляет:

---

[1] «Ленинский Сборник», III, стр. 500.
[2] Там же.

«Пять новых (главнейших) задач и ... новых форм:

«1. **Подавление сопротивления эксплуататоров...**

«2. **Гражданская война...**

«3. **«Нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства...**

«4. **«Использование» буржуазии...**

«5. **Воспитание новой дисциплины...».**

Нам особенно важно будет в данный момент остановиться на третьей и четвертой формах классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Под нейтрализацией мелкой буржуазии, особенно крестьянства, Ленин понимает:

«Нейтрализация» на практике

«пресечение насилием (Энгельс, 1895)

«пример

«убеждение etc., etc.

«привлечение + пресечение, «постольку — поскольку».

И Ленин поясняет далее:

«Крестьянин как труженик и крестьянин как эксплуататор (спекулянт, собственник).

«Постольку — поскольку». Колебания в ходе борьбы **Опыт** борьбы».

Задача:

«Вести», «руководить», «увлекать за собой» классовое содержание этих понятий» [1].

Итак, нейтрализацию крестьянства после диктатуры пролетариата Ленин ни в коем случае не понимает как какую-то нейтральность пролетарского государства, как «невмешательство» пролетарского государства в борьбу классов и т. п. Нет, нейтрализация крестьянства для Ленина есть функция гегемонии пролетариата. Пролетариат должен в е с т и, р у к о в о д и т ь, у в л е к а т ь за собою крестьянство. Нейтрализация крестьянства после победы пролетариата есть один из видов классовой борьбы при диктатуре пролетариата.

[1] «Ленинский Сборник», III, стр. 500—502.

Не менее интересна та форма классовой борьбы при диктатуре пролетариата, которую Ленин называет «использованием буржуазии». Этот заголовок Ленин поясняет следующими словами:

«Спецы». Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату.

«Сравни Программа РКП. «Военспецы» [1].

То, что иные размагниченные «коммунисты» считают чуть ли не «сотрудничеством классов», Ленин справедливо называет принуждением служить пролетариату, одной из форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Ленин называл концессии «видом блока» с иностранным капитализмом и в то же время Ленин прекрасно знал, что этот «блок» есть своеобразное проявление классовой борьбы после завоевания политической власти пролетариатом нашей страны. Он не отказывался от того, чтобы заплатить громадную «дань» иностранным капиталистам-концессионерам за то, чтобы получить от них быструю экономическую помощь, за «учебу» и т. д. И в то же время он знал, что в последнем счете концессии являются «использованием» буржуазии при диктатуре пролетариата.

Вопрос о концессиях именно теперь получает более злободневное значение, чем это было до сих пор. Именно теперь мы от рассуждений о концессиях переходим к практической концессионной политике. Чем больше будет оживать наше хозяйство, тем больше охоты будет у иностранных концессионеров брать у нас концессии. Да оно и понятно. Когда хозяйство в Союзе ССР поднялось, когда валюта укрепилась, когда Советское правительство признано официально большим количеством буржуазных государств, когда укрепляется революционная законность,— естественно, что именно тогда у концессионеров создается иное отношение, чем это было до сих пор. Было время,

[1] «Ленинский Сборник», III, стр. 502.

когда Ленин смотрел на концессии, главным образом, под углом международной политики. В речи о концессиях (27 ноября 1920 г.), произнесенной на собрании секретарей ячеек Московской организации, Ленин, рассказывая о подготовлявшейся тогда концессии Вандерлиппа, говорил:

«Вся эта сделка означает отвлечение империалистических сил от нас, — пока империалисты сидят и вздыхают и ждут, когда подойдет удобный момент, чтобы большевиков задушить, а мы этот момент отдаляем... Я указал вам одно империалистическое противоречие, которое мы обязаны использовать, это между Японией и Америкой; другое — между Америкой и всем остальным капиталистическим миром... Поэтому все вопросы о концессиях мы будем рассматривать под этим углом зрения... И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией... Вот три переплета, которые и путают безысходно всю игру империалистов... Конечно, концессии важны нам и в смысле получения продуктов. Это, бесспорно, верно, но **главная суть заключается в политических отношениях»** [1] (подчеркнуто нами. **Г. З.**).

Ленин говорил о видимости блока с иностранным капиталом в форме концессий и в то же время прибавлял:

«Мы и не мечтали о том, что вот — мы повоевали, и наступит мир, и социаластический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся. — Нет!» [2].

Ленин в «Продналоге» особенно подробно раз'яснил нам, почему именно концессии есть одна из форм государственного капитализма.

«Мы под названием новой экономической политики повернули назад и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами... Мы на войне научились маневрировать

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «О концессиях», стр. 390-391, 392, 395.

[2] Там же, стр. 394.

и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний»[1].

* * *

Итак, классовая борьба и при диктатуре пролетариата не затихает, а продолжается — продолжается в новой сложной, «непривычной», прихотливой форме. Она будет продолжаться до полной победы социализма, до уничтожения классов.

«Диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов, — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами»[2].

И Ленин подробно об'ясняет нам, что именно означает уничтожение классов.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно—по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[3].

Еще более краткое, эпиграмматическое определение, что такое класс, Ленин дает в другом месте (в речи на III Всероссийском с'езде РКСМ):

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из речи на пленуме Московского Совета 19 ноября 1922 г., стр. 106.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 249.
[3] Там же.

«А что такое классы вообще? Это — то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой» [1].

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее . . .»

«Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса . . .» [2].

«Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда (подчеркнуто нами. **Г. З.**). Это дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками» [3].

Эти слова Ленина необходимо помнить каждому, кто хочет быть ленинцем. Их необходимо помнить особенно теперь, когда центральным вопросом политики ленинизма в нашей стране стал вопрос крестьянский.

И, разумеется, столь же крепко необходимо помнить, что формы классовой борьбы в стране, где власть и командные хозяйственные высоты прочно находятся в руках

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 322.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Привет венгерским рабочим», стр. 227, 228.
[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 249.

пролетариата, решительно изменились. «Забыть» это последнее означало бы погрешить против главного в ленинизме — против его требования изучить конкретную обстановку в каждой данной полосе развития; означало бы забыть азы ленинизма, лишить себя возможности руководить рабочим классом и его повседневной борьбой в данных конкретных условиях, скажем, к 9-му году его диктатуры. Напомним, что о переходе на мирный «бескровный» фронт хозяйственной борьбы Ленин говорил еще пять лет тому назад. Напомним, что впервые партия готовилась перейти к мирной работе еще в 1918 г., сейчас же после заключения Брестского мира. «Бескровная» (на деле она, увы и сейчас еще, часто бывает кровавой) классовая борьба, конечно, не то, что кровавая гражданская война (самая острая форма классовой борьбы), но она — тоже классовая борьба.

Классовая борьба при диктатуре пролетариата продолжается — в частности продолжается в период НЭП'а. Классовая борьба в деревне, в современной России (в СССР), нэповской, только еще растущей к социализму России, продолжается.

Центральной фигурой современной революционной деревни должен быть середняк, — говорил Ленин и на VIII с'езде партии, когда впервые был поставлен вопрос об отношении к среднему крестьянству, и в своих законченных работах, и в набросках эпохи перехода к НЭП'у.

Но что такое середняк?

Здесь необходимо сопоставить то, что Ленин говорил на VIII с'езде РКП весною 1919 года и на II Всемирном Конгрессе Коминтерна в июле 1920 года.

Выше (см. главу I «Марксизм и ленинизм») мы привели центральное место из резолюции Ленина по крестьянскому вопросу, принятой на II Всемирном Конгрессе Коминтерна. Эта резолюция охватывает и страны, в которых пролетариату еще предстоит борьба за власть, и Россию, в которой власть в 1920 году находилась уже в руках пролетариата.

В названной резолюции Ленин говорит и о задачах пролетариата в капиталистических странах, и о задачах победоносного пролетариата после завоевания им власти.

Что такое среднее крестьянство? Надо различать ленинское определение «среднего крестьянства» вообще и середняка в России.

О «среднем крестьянстве» вообще Ленин в резолюции II Всемирного Конгресса говорит:

«Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы»[1].

Вот общее определение среднего крестьянства. Далее у Ленина следуют примеры того, что такое среднее крестьянство в Германии и во Франции.

«Революционный пролетариат,—продолжает Ленин в той же резолюции, — не может ставить своей задачей, — по крайней мере для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата (подчеркнуто нами. **Г. З.**), — привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция в развитых капиталистических странах будет за буржуазию...»[2] (подчеркнуто нами. **Г. З.**). «Устойчивою пролетарская власть быть не может без най-

---

[1] «2-й Конгресс Коминтерна». Стеногр. отчет, стр. 610—611.
[2] Там же.

трализации среднего крестьянства и обеспечения себе поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства»[1].

На первых порах, по крайней мере для ближайшего будущего, для начала периода диктатуры пролетариата можно ограничиться нейтрализацией среднего крестьянства. В дальнейшем перед пролетариатом возникают более обширные задачи: привлечь среднее крестьянство к прямому сотрудничеству, к прочному союзу. На VIII с'езде РКП Ленин, говоря уже применительно к России, раз'яснил это с особой подробностью. Чтобы понять Ленина, нужно помнить, что в нашей стране: 1) среди самих середняков есть значительный слой «мелкого крестьянства» и 2) наша страна не принадлежала к числу «развитых» капиталистических стран. Уже в виду этих обстоятельств у нас больше шансов привлечь середняка к союзу, к сотрудничеству.

«Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьнстве»[2].

И в ленинской резолюции, принятой VIII с'ездом РКП, говорится о том, что политика пролетариата «должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством», что нам необходимы «союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством»[3], что мы должны «изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи»[4], что вся политика коммунистической партии должна вестись «в духе со-

---

[1] «2-й Конгресс Коминтерна». Стеногр. отчет, стр. 610—611.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 146.
[3] Там же, стр. 159.
[4] Там же, стр. 160.

глашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством»[1] (подчеркнуто везде нами. **Г. З.**).

Ленин цитирует § 47 партийной программы, где говорится: «по отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства».

Ленин самым настойчивым образом подчеркивает, что «на вопрос о среднем крестьянстве мы должны обратить сугубое и трижды сугубое внимание»[2].

Эта основная мысль ленинизма красной нитью проходит по всем работам Ленина — вплоть до последней, столь основоположной, работы «О кооперации» (1923 год). Эта мысль — союз, «соглашение пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» — является стержнем всех важнейших решений партии. На ней целиком построены и резолюции XIV партконференции, абсолютно верно определившие дорогу партии на целый период (роль кооперации, оживление Советов, усиление советской демократии, сугубое внимание крупной промышленности и т. д.).

— А каково происхождение середняка в России?

Самое глубокое, что сказано по этому поводу Лениным, по нашему мнению, содержится в его речи, посвященной обоснованию программы РКП на VIII с'езде партии.

Ленин говорил:

«Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед ступить или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. Чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах (под-

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 161.

[2] Там же. Доклад о партийной программе на XVIII с'езде РКП, стр. 121.

черкнуто нами. **Г. З.**). Надо все это понимать, потому что только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек (подчеркнуто нами. **Г. З.**). Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: «зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучаем», — это в высшей степени несерьезно» [1].

Это в высшей степени богатое содержанием определение происхождения середняка дает нам одновременно ключ к позиции ленинизма и 1) в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, и 2) в вопросе о причинах возникновения НЭП'а, и 3) в вопросе о взглядах ленинизма на государственный капитализм, и 4) в вопросе о классовой борьбе в деревне после взятия власти пролетариатом. Если взять за отправной пункт это ленинское определение происхождения середняка, тогда не трудно будет найти дорогу к правильному определению кулака, а также к правильному определению того, какова должна быть роль пролетариата в деле руководства крестьянством.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Из доклада на VIII С'езде РКП, стр. 115—116.

«Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т.-е. назад к «признанному», старому, «исконному» капитализму»[1].

Это определение как нельзя более злободневно именно в данный период диктатуры пролетариата в нашей стране.

«Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата...

«Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так загнать, как загнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать... От нас, от руководящей партии, зависит, сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство. Чем руководиться в этом разделении — поровну, уравнительно? Но пускай об этом говорят Чернов и Мартов, а мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т.-е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму»[2].

Итак, задача нашего руководства крестьянством: 1) обеспечение от реставрации капитализма, 2) обеспечение

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Привет венгерским рабочим», стр. 227.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительное слово на всероссийской конференции РКП 27 мая 1921 г., стр. 270, 271.

путей к коммунизму, 3) уничтожение классов. В этих целях, и только в этих целях, под этим углом зрения, и только под этим углом зрения, мы можем и должны итти на уступки крестьянству — такие уступки, которые не противоречат этим основным нашим целям. Так говорит Ленин, обращаясь к рабочему классу. Но тут же он обращается к крестьянству, и этому последнему он говорит:

«Или крестьянство должно итти с нами на соглашение и мы делаем ему экономические уступки, или — борьба... На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов, а мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах (подчеркнуто нами. Г. З.) того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму» [1].

Вот единственная достойная ленинизма постановка вопроса об отношении рабочего класса к крестьянству при диктатуре пролетариата в такой стране, как наша. Кто «прячет в карман» руководящую роль пролетариата, замалчивает диктатуру пролетариата, исходя при этом хотя бы из самых благонамеренных соображений; кто глубокомысленно намекает на то, что капитализма у нас уже нет или почти нет, что кулака нет, что наша политика одинаково полезна и кулаку и бедняку, тот сознательно или бессознательно ревизует ленинизм.

Мы не знаем документа более замечательного по силе и страстности, чем рукопись Ленина под заглавием «Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой!» (писано в 1918 г., опубликовано Институтом Ленина, с предисловием тов. Каменева, в январе 1925 г.):

«Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят вос-

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительное слово на всероссийской конференции РКП 27 мая 1921 г., стр. 271—272.

стания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда...

«Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе... едва ли больше двух миллионов (двух миллионов! Это — к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти нет. **Г. З.**) [будет] кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны; они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войной крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся... Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли... Беспощадная война против этих кулаков» и т. д.

Разумеется, так писать можно было только в 1918 г. Но этот язык по отношению к кулакам — подлинным кулакам, а не к тем, кого частенько зря «приписывают» у нас к этому почтенному сословию — пригодится еще не раз. Когда у нас пытаются теперь представить дело так, будто кулака нет в природе; когда у нас бросают фразы, будто «кулак нам не опасен», — это неизбежно будит у среднего и бедного крестьянина мысль о том, будто с нашей точки зрения кулак — повторяем: дело идет о подлинном кулаке, а не о середняке, которого зря иногда зачисляют в кулаки — уже не бешеный враг Советской власти, не грубый и дикий эксплуататор, не кровопийца, не вампир. А между тем действительная правда заключается в том, что кулак — подлинный кулак — в деревне нам несравненно опаснее, чем нэпман в городе, ибо наши позиции в деревне слабей, а шансы стать руководителем общественного

мнения в деревне у кулака сильнее. И нечего утешать себя тем, что кулака в деревне только 2—3%. Буржуазия на то и буржуазия, чтобы составлять ничтожное меньшинство и в то же время сидеть на шее у большинства народа. Два-три процента «кулачья» в деревне — это громадная сила.

Для того, чтобы нынешняя политика партии в крестьянском вопросе действительно вела к обеспечению от реставрации капитализма, к обеспечению «путей к коммунизму», для того, чтобы руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству осталась не на словах, а на деле — для этого в вопросе о кулаках не должно быть допущено и тени двусмысленности.

* * *

В известном смысле можно сказать, что программа нашей партии состоит из двух половинок. Первая половина, — это официальная программа партии, принятая в 1919 году на VIII с'езде РКП, писанная в самый разгар военного коммунизма. Вторая половина — работа Ленина «О продналоге». Первая половина (если взять в ней то, что в ней осталось абсолютно верного, не преходящего, не временного, не эпизодического) содержит, главным образом, 1) общую оценку капитализма и его империалистической стадии и 2) политическую программу пролетариата в эпоху его диктатуры. Это, главным образом, освещение проблемы: пролетарская диктатура и буржуазная демократия, пролетарское государство и буржуазное государство; это общая оценка взаимоотношений пролетариата и крестьянства и т. п. Другая половина — брошюра «О продналоге» — содержит, главным образом, экономическую программу пролетариата в крестьянской стране на переходный период диктатуры пролетариата.

Наступит момент, когда из этих двух половинок (плюс некоторые программные документы Коминтерна: тезисы по крестьянскому вопросу, тезисы по национальному вопросу

и др.) партия заново окончательно сформулирует свою программу.

Но не подлежит сомнению, что громадным вкладом, в особенности во вторую половину программы, являются работы «О кооперации» и «Лучше меньше, да лучше», написанные Лениным уже незадолго до его кончины. Эти две работы (настойчиво подчеркиваем: именно обе эти работы, вместе взятые, ибо одна дополняет другую, ибо без «Лучше меньше, да лучше» нельзя как следует понять главных мест в работе «О кооперации») представляют собою новую важную главу в программе партии. Обе эти работы целиком могут быть «выведены» из брошюры «О продналоге» и других основных работ Ленина, посвященных НЭП'у. Эти работы ни в какой мере не могут быть противопоставлены «Продналогу»; они полностью «вытекают» из него, но многое они конкретизируют, многие важнейшие проблемы они ставят заново.

* * *

Тема о взаимоотношении роста крупной промышленности (а, стало быть, и электрификации) с задачей руководства «мелким и мельчайшим крестьянством» подробно разработана в «Лучше меньше, да лучше». Этот последний гениальный этюд должен, повторяем, рассматриваться вместе с столь же гениальным этюдом «О кооперации». Только тогда мы получим должное представление о том, что наиболее политически важного завещал нам Ленин перед самой своей кончиной.

«Мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до тла учреждения средневековые, помещичье землевладение, и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, осо-

бенно при НЭП'е, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда... Если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, — так, примерно, рассуждали эти (империалистские. **Г. З.**) державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм...

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?..

«Мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства... Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком... нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Такова общая картина мира, которую дает нам Ленин незадолго до его кончины. На вопрос о том, какова же должна быть наша тактика при этом положении вещей, Ленин отвечает:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе, и с вели-

чайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств . . .

«Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.

«В этом и только в этом будет наша надежда (подчеркнуто нами. **Г. З.**). Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [1].

* * *

Какую практическую цель преследовал прежде всего в своей последней работе «О кооперации» В. И. Ленин?

Он сам об'яснил это нам в статье «О кооперации» в следующих словах:

«Мы перегнули палку, переходя к НЭП'у, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к НЭП'у, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения» [2].

---

[1] Н. Ленин: Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 135—138.
[2] Там же, стр. 140.

Да статья «О кооперации» у Ленина и начинается следующими словами:

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от НЭП'а (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря НЭП'у), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение... И вот не все товарищи отдают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необ'ятное значение приобретает для нас кооперирование России» [1].

Два места в этой работе «О кооперации» мы считаем центральными.

Первое из них:

«Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» [2].

Второе:

«В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭП'а есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 139.
[2] Там же, стр. 141.

имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[1].

Под «кооперативным строем» Ленин понимает строй, наиболее приближающийся к социализму. «При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу»[2]. Поголовное кооперирование населения Ленин связывает с достижением поголовной грамотности населения, с «культурной революцией». Это есть целая программа на ряд лет.

Громадное решающее значение кооперации именно для постепенного перевода крестьянского хозяйства на социалистические рельсы Ленин впервые с такой ясностью обрисовывает в этой статье о кооперации. Не в том дело, чтобы растущая у нас кооперация могла сразу стать подлинно-социалистической кооперацией на 100%. Нет никакого сомнения, что в нашей кооперации будут еще буржуазные пережитки и рецидивы, что еще в течение ряда годов пролетарской власти придется принимать вытекающие из обстановки экономические и политические меры для того, чтобы систематически, по мере надобности, выкорчевывать

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 139—140.
[2] Там же, стр. 143—144.

из растущей кооперации элементы буржуазности, чтобы отделять пшеницу от плевел. Но что кооперация является той дорогой, по которой мы можем повести и поведем крестьянство к социализму, в этой статье о кооперации доказано безусловно.

И здесь нет никакого противоречия с тем, что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде «государственного капитализма». Ведь и государственный капитализм есть у нас дорога к социализму. Ведь и о государственном капитализме в пролетарском государстве Ленин говорил, что это «три четверти» социализма.

В статье «О кооперации» говорится: «Из кооперации, из одной только кооперации» может вырасти социализм.

В статье «Лучше меньше, да лучше» говорится»: «В этом и только в этом» (в крупной машинной индустрии) наша надежда.

Чтобы получить полностью программу, начертанную Лениным перед его кончиной, нужно, повторяем, «сложить» этюд «О кооперации» с этюдом «Лучше меньше, да лучше». Иб из того, что говорил и писал Ленин, само собой ясно, что полную победу он рисовал себе именно в результате развития крупной индустрии (в частности, электрификации) плюс кооперация.

По этому пути, по пути, завещанному Лениным, и пошло развитие нашего Союза ССР. Успех в последнем счете — вне всякого сомнения. «Гибель страны» в результате безхлебья, разрухи, отсутствия плана в хозяйственной работе и т. п. — та «гибель», которую предсказывали не только классовые враги, но и группа членов нашей собственной партии, не сумевшая и не умеющая подняться до подлинного понимания ленинизма, — эта «гибель страны» способна вызвать теперь только улыбку. Этой опасности нет и не будет.

Но это не значит, что опасности другого рода не подстерегают нас. Такие опасности на-лицо. Сила город-

ской и сельской буржуазии в экономике растет — хотя и не относительно, а только абсолютно. Давление буржуазии на наиболее слабые звенья нашего собственного госаппарата (а частью даже и партии) неизбежно. Развитие производительных сил государственной промышленности идет сравнительно быстро, но пока все же недостаточно быстро, чтобы мы могли уже сейчас вести успешное соревнование с техникой европейского и американского капитализма. Классовая борьба в деревне, несомненно, будет еще некоторое время развиваться. Иностранная буржуазия организуется против СССР. Вопрос о том, «кто кого», еще не снят с очереди, хотя его разрешение в благоприятном для нас смысле намечается явно.

В 1923 году наибольшим врагом было безбрежное брюзжание, пессимизм и крики о «гибели страны». В 1925 году известной опасностью может стать самодовольство, когда оно превращается в замазывание классовой борьбы в деревне, в затушевывание опасности со стороны кулака, в затушевывание того, что говорил Ленин о роли госкапитализма и просто капитализма в нашем строе и что верно и сейчас. Мы должны решительно и определенно сказать рабочим и всей стране: то, что мы имеем в НЭП'е сейчас, это есть своеобразный госкапитализм в пролетарском государстве, с растущими элементами социализма — растущими, но еще далеко не выросшими. Незачем ссылаться на то, что мы «не знаем», что такое социализм, что этого не знал и Маркс, что и Ленин в брошюре «О кооперации» говорил о необходимости пересмотреть вопрос о том, что такое социализм. Как кооперирование может стать формой обобществления в крестьянской стране — этого раньше ясно не понимали. Что кооперирование при диктатуре пролетариата способно в корне изменить психику мелких производителей — этого тоже раньше не понимали. В этом смысле Ленин и писал о том, что в корне меняется наше представление о социализме. В этом, и — только в этом. Мы, действительно, не знаем в по-

дробностях и деталях многих сторон будущего, вполне победившего социализма. Мы, действительно, признаем, что многое в этом отношении будет определено историческим опытом многомиллионных народных масс. Но что мы знаем наверняка, чему учили нас и Маркс и Ленин, это — что полная победа социализма означает, во всяком случае, уничтожение классов.

А между тем, наше положение в целом настолько удовлетворительно, что нам, поистине, нет никакой надобности прибегать к самообману и тешить себя иллюзиями. Успехи социалистического строительства увеличиваются у нас с каждым днем. Международное влияние нашей революции растет и крепнет, прежде всего именно в том направлении, о котором перед своей смертью так красноречиво писал Ленин: на Востоке. Наши хозяйственные командные высоты все упрочиваются. Никогда в мировой истории не было еще такого государства, в котором политическая власть принадлежала бы пролетариату и в котором этот пролетариат сумел бы закрепить за собою такие могущественные рычаги, как монополия внешней торговли, национализация земли, сосредоточение всего транспорта и всей крупной промышленности в свои руках, такие рычаги, как кредитная система, прибыль гострестов и т. д. и т. п. Рабочий класс в нашей стране растет и численно и политически. Будет время, а оно не за горами, когда у нас будет промышленных рабочих в стране не меньше 10 миллионов. В настоящий период мы все еще являемся аграрно-промышленной страной. Будет время, и оно не за горами, когда мы станем промышленно-аграрной страной — на основе все большего и большего роста социалистических элементов нашего хозяйства и в городе и в деревне. Мы строим социализм, и при поддержке международного пролетариата мы его построим, несмотря на все препятствия. Уже близко время, когда исполнится первое десятилетие со времени завоевания политической власти пролетариатом нашей страны. Удержат ли большевики государственную власть? — ставил вопрос

Ленин в 1917 году. Этот вопрос теперь уже не стоит. Удержат! Без всякого сомнения, у д е р ж а т! И сумеют выполнить свою историческую миссию, свой долг международных пролетарских революционеров до конца.

На-лицо все условия для нашей полной победы. Хозяйственно-культурные и политические перспективы, открывающиеся перед Союзом ССР, становятся все более и более грандиозны. Задача эпохи заключается в том, чтобы обеспечить наш Союз от реставрации буржуазных отношений, чтобы обеспечить «пути коммунизма». При правильной политике партии, т.-е. при умении нашем правильно применять учение ленинизма в нынешней сложной и трудной обстановке, эта великая задача безусловно будет разрешена.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1р. 50к.

Цена ~~20~~ коп.



СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ" Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09

